

Глава 11 Свет в конце тоннеля

Система подала голос лишь спустя долгое время, и в её тоне сквозила явная растерянность.

[Вот оно как... Понимаю]

Господин Гэ тем временем порылся в своём узле и извлёк на свет ещё одну книжицу, протянув её Хань Миню. Это издание выглядело куда достойнее.

«Сказание о благородном разбойнике Цинфэне».

Эту книгу юноша знал как облупленную. Писатель, затеявший это повествование, бросил работу на середине и сбежал, так что вторую половину истории дописывал сам Хань Минь.

«Выходит, мне пытаются продать моё же собственное творение».

Гадатель усердно рекламировал товар: — Эта история хороша и для старых, и для малых. Всё равно заказов у тебя нет, возьми одну — хоть скуку развеешь.

Хань Минь только замахал руками: — Не нужно, не нужно, благодарю.

Собеседник спрятал книгу. Поскольку желающих узнать свою судьбу не прибавлялось, он решил поболтать: — Что, совсем с деньгами туго?

Литератор едва заметно кивнул. Признаться в собственной нищете было не так уж и трудно — в конце концов, почти все великие мужи древности проходили через это. Однако Хань Минь боялся расстроить домашних, а потому не мог открыться семье. Рассказывать о подобном другу тоже было немного неловко.

Господин Гэ, заметив его выражение лица, покрепче прижал к себе узел с вещами и отодвинулся: — Ты чего это? У меня займы не проси, у самого в карманах ветер гуляет.

Неловкость юноши как рукой сняло.

— Верно, — продолжил старик, — ты сегодня и перепиской не занят. Совсем работы нет?

Хань Минь снова кивнул.

— Какая жалость, — прищурился гадатель. — И что планируешь делать?

Подперев голову рукой, Хань Минь вздохнул: — Думаю. Если бы не клеймо потомка опального чиновника, всё было бы куда проще, но увы...

Он замолчал, не желая продолжать унылый разговор и портить настроение другому, а потому решил сменить тему: — А когда это вы... открыли в себе талант книготорговца?

— Как раз пока тебя не было. Гаданием много не заработаешь, а если так пойдёт и дальше, мне скоро даже на вино не хватит. — Собеседник оживился. — Эй, а давай торговать вместе?

Хань Минь нахмурился: — Продавать «Золото плавит нефритовую душу»? За такое... нас стража не загребёт?

Сам он подобные вещи никогда не писал, предпочитая героические повести. Даже в своей последней работе, «Паре историй о Государе и цензоре», юноша хоть и позволил себе некоторую вольность, Система всё равно ворчала, что выходит слишком уж иносказательно.

— Да этой чепухой полгорода торгует, — отмахнулся Гэ, — властям до этого дела нет.

— Тогда почему вы продаёте их так скрытно?

— Это вредит моему образу полубессмертного. Вообще-то, печатает их книжная лавка «Белый камень». Слыхал о такой?

Хань Миню ли было не знать. Ведь именно для них он и писал.

— В «Белом камне» печатают каноны и летописи, — продолжал наставлять его гадатель. — Они заметили, что у моего лотка всегда полно народу, вот и предложили заняться сбытом. Владелец там из чиновников.

Молодой человек уже слышал нечто подобное, хотя и не знал наверняка, кто именно управляет делами издательства.

— Скажу тебе прямо: неизвестно, когда с тебя снимут это клеймо. Без оправдательного указа о карьере чиновника можешь забыть. Но в любом деле можно стать лучшим. Раз путь к экзаменам тебе закрыт, почему бы не податься в книготорговцы вместе со мной? У тебя лицо пригожее, девицам такие нравятся. Возьмём что-нибудь для дам, ты и продашь.

Хань Минь усмехнулся: — И что же... на этом можно быстро разбогатеть?

Господин Гэ расхохотался: — Это разве что на кувшин доброго вина хватит. Хочешь настоящих денег — пиши повести.

«Пиши повести».

Литератор продолжал улыбаться. Он аккуратно свернул письменные принадлежности и уложил их в футляр. — О чём вы? За повести платят сущие гроши.

— Откуда тебе знать?

Внезапно какая-то догадка промелькнула в глазах гадателя, и он осекся. Хань Минь указал на «Сказание о благородном разбойнике Цинфэне»: — Это я написал.

— Ох... А я-то думал, вы, книжники...

Юноша закончил сборы и поднялся. В его глазах плясали живые искорки. — Разве у людей слова есть чины и ранги? Разве есть у букв знатность или подлость?

Собеседник остался сидеть, а Хань Минь выпрямился во весь рост. Полуденное солнце золотило его фигуру, окутывая мягким сиянием.

— Хань Минь, — с благоговением произнёс Гэ, — ты же вылитый бог литературы, сошедший на землю.

Тот лишь рассмеялся в ответ.

— Я серьёзно, — добавил мастер предсказаний, принимая торжественный вид. — Я ведь мастер своего дела. Пусть я и подрабатываю книгами, но в гадании я профессионал.

Хань Минь подхватил свой табурет: — Уже поздно, мне пора домой. Увидимся после полудня.

Время близилось к обеду, и господин Гэ тоже начал сворачивать лоток.

Три дня назад Хань Минь передал в книжную лавку «Белый камень» свою новую рукопись. Приказчик должен был ознакомиться с текстом и подготовить список необходимых правок. По заведённому порядку юноша сегодня как раз должен был забрать черновики для работы.

Лавка «Белый камень» имела свои представительства по всей империи Великая Ци. На витринах они выставляли почтенные научные труды, а под прилавком бойко торговали фривольными рассказами.

Подойдя к дверям заведения, Хань Минь неожиданно столкнулся с господином Гэ, который всё

ещё сжимал в руках свой стяг.

— Утром торговля не задалась, — смущённо пробормотал старик, — пришёл обменять пару книжек.

— Понимаю, — отозвался Хань Минь. — А я вот... за рукописью.

— Так ты и впрямь для них пишешь? А я думал, ты меня разыгрываешь.

— И в самом деле пишу. Чистая правда.

Не успели они обменяться и парой фраз, как из лавки, семеня, выбежал сам управляющий. — Господин Хань! А я уж заждался, всё глаза проглядел!

Юноша вежливо поклонился.

— Полноте, ни к чему это! — Мужчина подхватил его под руки, внимательно вглядываясь в его лицо.

Хань Минь попытался отстраниться, но тот крепко держал его, сокрушённо вздыхая: — Истинная жемчужина, сокрытая под слоем пыли... Истинная жемчужина в пыли!

— Что, простите?

— И как же я допустил, чтобы вы два года кряду строчили эти разбойничьи байки? Если у вас такой талант, почему же вы раньше молчали?!

Молодой человек с трудом высвободился из его цепких рук: — Да о чём вы вообще говорите?

— Эх! Знай я раньше, что вы так искусно описываете дворцовые интриги и жизнь при дворе, разве стал бы я пичкать вас заказами на всякую ерунду? — Управляющий потянул его за собой.
— Проходите же, пройдемте внутрь, там и потолкуем.

Видя столь бурную реакцию, Хань Минь занервничал и невольно огляделся по сторонам. Господин Гэ сделал шаг вперёд и подтолкнул его в спину: — Иди, чего встал? Я с тобой побуду, приглажу.

Друг благодарно кивнул ему.

Внутренняя комната встретила их ароматом дорогого чая. Хозяин заговорил, едва они уселись: — Господин Хань, вы и представить не можете... Наша лавка хоть и славится канонами, но в делах развлекательных мы новички, за конкурентами не поспеваем. Другие уже всё перепробовали: и богов, и демонов, и героев, и любовные бредни. Но то, что написали вы о жизни во дворце — это же совершенно новый путь!

— Но я припоминаю, что у других издателей тоже есть подобные истории... — с сомнением заметил литератор.

Собеседник подался вперёд, в его глазах горел азарт: — Те пишут неправду. А у вас — каждое слово живое, будто вы сами там были и всё своими глазами видели!

«Никаких „будто“», — подумал Хань Минь. Он ведь и в самом деле вырос в тех стенах. Императоры и принцы, канцлеры и цензоры — для него это были не просто имена из книг, а люди, которых он знал лично.

— Слушайте внимательно, — продолжал управляющий. — Я хочу предложить вам долгосрочный договор на особых условиях. Мы можем обсудить любые детали.

Хань Минь в таких делах смыслил мало, а потому поспешил мысленно обратиться к Системе.

«Тунцзы, выручай! Срочно скинь мне всё, что есть о договорном праве!»

Не успела та ответить, как господин Гэ выступил вперёд: — Позвольте мне заняться переговорами.

И гадатель, не теряя времени, принялся обсуждать условия с хозяином лавки. Он говорил чётко, аргументировал веско и ухитрился выбить для юноши двойную плату против прежней. Хань Минь слушал их со стороны, исполненный искреннего восхищения.

Единственное, на чём он настоял, было условие: — Я не стану писать ничего подобного «Золото плавит нефритовую душу».

— Это верно, — подтвердил Гэ. — У него опыта нет, не потянет он такое.

Управляющий расплылся в улыбке: — Хорошо, хорошо, это вовсе не обязательно.

Хань Минь кивнул: — Тогда по рукам.

— Есть что-то ещё?

— Есть одна вещь... — Литератор покосился на господина Гэ. — В будущем, когда книга выйдет, я хочу, чтобы господин Гэ получил исключительное право на продажу первой партии во всей империи. На целых три дня.

Хозяин громко захохотал: — Эх, юный книжник! До этого ещё дожить надо. Вот когда твои повести и впрямь завоюют всю Ци, тогда и поговорим.

Хань Минь не смутился и уверенно ответил: — Что ж, тогда я постараюсь писать побыстрее.

Управляющий, всё ещё посмеиваясь, похлопал его по плечу: — Ступай и напиши для начала ещё пару томов.

— Договорились.

Они условились о времени следующей встречи для подписания бумаг. На прощание лавка «Белый камень» выдала молодому человеку щедрый задаток.

Едва они вышли на улицу, господин Гэ наставительно произнёс: — Когда придет время подписывать основной договор, обязательно зови меня. А то обернут тебя как липку, и глазом моргнуть не успеешь.

Хань Минь посмотрел на него с благодарностью: — Я знаю. Спасибо вам за помощь, господин Гэ. Позвольте мне угостить вас вином?

Гадатель не упустил случая поддеть его: — Ты же даже в «весёлых кварталах» ни разу не был, какое уж там вино?

Юноша лишь поджал губы, но радость в его глазах скрыть было невозможно.

— Иди уже домой, — махнул рукой Гэ, — тебя там, небось, все за стол ждут.

— Тогда доброго пути, господин Гэ.

— Днём придёшь? Место тебе занять?

— Обязательно. Дедушка у меня человек строгих правил, он не одобрит мои занятия подобной литературой.

— Хорошо, иди. Я присмотрю за твоим местом.

Хань Минь ещё раз поблагодарил его и, подхватив табурет, зашагал прочь.

«Тунцзы, теперь-то я точно знаю, что значит фраза „Сквозь густую тень ив и яркое цветение открывается путь к новой деревне“. Великие предки-литераторы и впрямь приглядывают за мной»

Молодой человек легонько подбросил в руке потяжелевший кошель. Его шаг стал лёгким, и от переполнившего его восторга он даже начал забавно припрыгивать.

Система отозвалась с явным неодобрением.

[Иди нормально. Совсем никакого достоинства]

«Тебе не понять. Когда литератор на седьмом небе от счастья, его руки сами просятся в пляс, а ноги не чувствуют земли!»

И чтобы позлить Тунцзы, он так и проскакал вприпрыжку до самого дома.

Домой Хань Минь вернулся уже после полудня. На плите его ждал горячий обед, и он перекусил прямо на кухне, не теряя времени.

Наскоро покончив с едой, он заперся в комнате и открыл заветный ларец. Юноша аккуратно сложил туда монеты, заработанные утром, и увесистый задаток из книжной лавки. Деревянный ящичек снова начал наполняться.

Литератор потёр руки и выдохнул: — Стоит увидеть деньги, как на душе становится спокойнее.

Он бережно спрятал сокровище, уселся за стол и принялся за второй том «Пары историй о Государе и цензоре».

[Слушай, — подала голос Система, — пока есть время, придумай себе псевдоним. Если спросят внезапно, ты же ничего путного не изобретёшь]

Хань Минь отложил кисть и задумчиво уставился в потолок.

[Я тут уже кое-что прикинула, — продолжала бубнить она. — Твой путь в литературе можно разделить на этапы. Сначала — „первая проба клинка“, затем ты „проявишь себя“, потом „развернёшься в полную мощь“, достигнешь „великих свершений“ и, наконец, „сокрушишь всех врагов“...]

«Тише, тише! — прервал её юноша. — Я понял, что ты уже выучила идиомы на иероглиф „великий“, не нужно хвастаться»

Но Система и не думала умолкать.

[А под конец ты „разобьёшь целые армии“. Если бы небеса не породили Хань Минь-минь, литературный мир вечно пребывал бы в беспросветной мгле!]

Литератор понял, что спорить бесполезно, и просто выкрикнул: — Я придумал псевдоним!

Тунцзы затихла.

[И какой же?]

— Невинная красавица Белая роза.

Система зависла.

Хань Минь снова взялся за кисть и, давясь от смеха, начал писать. Поняв, что на этого оригинала полагаться нельзя, Тунцзы принялась сама рыться в архивах, сверяясь с учением о пяти стихиях и триграммах, чтобы подобрать ему по-настоящему удачное и звучное имя.

Спустя два дня прилетел Редискоголовый и опустился на подоконник — Фу Сюнь прислал ответ. На вопрос юноши о Лючжоу тот кратко отписал: «Всё в порядке».

Хань Минь вложил записку между страниц «Доклада о мире и порядке» и вернулся к своей повести.

Праздники приближались стремительно. За эти десять дней молодой человек каждое утро уходил в город писать письма, а в свободные часы исписал десятки листов рукописи. Лавка «Белый камень» планировала выпустить первый том сразу после Нового года.

В качестве оплаты юноша получил два мешка серебряных слитков. На праздники хватало с избытком, и даже оставалось про запас.

Тридцатый день двенадцатого месяца _Вторая половина дня_

Хань Минь, сжимая в одной руке свежие весенние парные надписи, другой придерживался за лестницу, взобравшись на самый верх. Братец Пэй стоял внизу, сосредоточенно сжимая правую руку в кулак, а левую держа открытой ладонью. Перед каждой фразой он мучительно сверялся со своими руками, чтобы не перепутать стороны.

— Второй гэ, левее... Нет, правее! Ещё капельку правее!

Хань Минь послушно двигал листок: — Так? Или ещё немного?

Неподалеку человек в угольно-черном плаще спрыгнул с коня и направился напрямик к ним. Братец Пэй в это время старательно разбирался, где лево, а где право, но, подняв голову, внезапно увидел, как незнакомец обошел его и встал прямо за спиной брата.

Мужчина сложил руки на груди у самого подножия лестницы и молча уставился на Хань Миня. Тот, ничего не подозревая, продолжал возиться с украшениями, задрав голову кверху: — Пэй-пэй, ну что теперь?

Малыш Пэй покосился на гостя и поспешно дернул брата за одежду: — Второй гэ, там какой-то мужчина пришёл.

<http://bllate.org/book/15310/1354589>